

Мечты о прекращеніи войнъ. *)

Въ скорбные дни великаго поста естественно болѣе, чѣмъ въ другое время останавливаться мыслию на скорбяхъ людей страждущихъ. Въ великій постъ мы призываемся къ покаянію, къ размышленію о томъ, кому и какое зло мы сдѣлали. Эти невеселыя размышленія теряютъ свой острый характеръ, когда мы, думая о сдѣланномъ нами злѣ, въ то же время озабочиваемся, чтобы сдѣлать какое-либо добро, зло сдѣланное однимъ возмѣстить добромъ по отношенію къ другимъ. Но если даже этого зла и не было, если мы жили ни съ кѣмъ не ссорясь и никого не обижая, то все таки время поста должно быть временемъ усиленныхъ заботъ о добрѣ.

Во имя желанія помочь находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи сербскому народу мы собрались сегодня. Въ великой міровой войнѣ, начавшейся въ половинѣ прошлаго года, сербы были первымъ народомъ, на который обрушились ужасы войны вызванной темными замыслами и вожделѣніями габсбургской и гогенцоллернской монархій. Государство, насчитывающее 51 миллионъ жителей, устремилось на страну, заключающую ихъ всего 3½ миллионна. Чтобы понять все несоотвѣтствіе силъ между нападающими и защищающимися, лучше всего сравнить столицу Сербіи Бѣлградъ съ столицей Австріи Вѣной. Въ Бѣлградѣ 80 тысячъ жителей, въ Вѣнѣ—2 миллионна. Нужно соединить 25 Бѣлградовъ, чтобы получить населеніе Вѣны. И однако этотъ маленькій народъ-сербскій, родственннй намъ по происхо-

*) Лекція въ пользу сербскаго краснаго креста, произнесенная въ Императорской московской духовной академіи 15 февраля 1915 г.

жденію, единый съ нами по вѣрѣ, борется и стоитъ противъ громадной австрійской арміи, и вѣвскіе бюллетени часто имѣютъ очень неутѣшительный характеръ. И этотъ народъ можно сказать воюетъ не только за себя, за свою самостоятельность, онъ воюетъ за жизнь и благо всѣхъ славянскихъ народовъ, слѣдовательно и за Россію. Недешево настоящая война обходится Россіи, и у насъ чувствуется нужда, но еще несравненно дороже обходится эта война Сербіи, и сербская страна испытываетъ острую и мучительную нужду. Пусть мы окажемся въ состояніи дать очень небольшое на удовлетвореніе этой нужды, но сколько бы мы ни дали, все пойдетъ на пользу.

Намъ приходится считаться съ бѣдствіемъ несравненно болѣе ужаснымъ, чѣмъ всѣ исторически намъ извѣстныя стихійныя бѣдствія — неурожай, эпидиміи, наводненія и землетрясенія. Зло, переживаемое нами, вдвойнѣ отличается отъ нихъ: во 1) по размѣрамъ. Мы не знаемъ стихійнаго бѣдствія, которое когда либо поглотило или искалѣчило бы миллионъ жизней. Теперь жертвъ войны несомнѣнно гораздо болѣе, чѣмъ миллионъ. Однихъ плѣнныхъ теперь въ разныхъ странахъ, я думаю, не менѣе полутора миллиона. Во 2) при стихійныхъ бѣдствіяхъ не дѣйствуютъ ни злоба, ни зависть, ни ненависть. Бѣдствіе, переживаемое нами порождено темными духовными силами—властолюбіемъ, корыстолюбіемъ, злобою, завистью. Когда человекъ теряетъ свое имущество при наводненіи или оказывается искалѣченнымъ при землетрясеніи, ему сострадаетъ весь міръ. Теперь, когда сербы или мы терпимъ ущербъ, добрые австрійцы и германцы, начавшіе эту войну, ликуютъ. Разумѣется, и мы не скорбимъ о томъ ущербѣ, который имъ наносимъ. Ужасы бѣдствія усугубляются сознаніемъ, что бѣдствію сочувствуютъ. Если бы Бѣлградъ или Лувенъ погибли отъ землетрясенія, это было бы скорбью міра, но теперь, когда горятъ сербскіе или бельгійскіе города, добрыя нѣмецкія сердца исполняются ликованіемъ.

Да, война ужаснѣе всѣхъ стихійныхъ бѣдствій. И вмѣстѣ съ тѣмъ, представьте, война есть единственное бѣдствіе, надъ которымъ люди имѣютъ власть. Молніи и громы—не въ нашей власти, хотя мы и избобрѣли громоотводы. Съ болѣзнями и неурожаями люди науки и дѣла справляются плохо,

а наводненія, землетрясенія и изверженія вулкановъ до сихъ поръ являются силами непреоборимыми. Въ лучшемъ случаѣ, когда эти бѣдствія предвидяты, могутъ предписать бѣгство. Но война? Ее избобрѣли люди и повидимому люди властны ее уничтожить. Можно сказать болѣе: война болѣе зависить отъ насъ, чѣмъ отъ Бога. Блаженный Августинъ сказалъ: „Богъ могъ создать насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ не можетъ“. Если мы захочемъ пребывать во злѣ, Богъ не поведетъ насъ въ рай насильно. Но мы какъ будто хотимъ рая. И много уже произнесено рѣчей и написано книгъ о прекращеніи и уничтоженіи войнъ. Люди мечтаютъ, что будетъ время, когда люди не будутъ воевать.

Наступитъ ли такое время? Осуществимы ли мечты о всеобщемъ мирѣ? Въ тяжелые дни войны этотъ вопросъ особенно настойчиво поднимается въ душѣ. Давайте подумаемъ объ отвѣтѣ на него.

Если мы обратимся къ прошедшему, поскольку намъ извѣстно это прошедшее, мы постоянно встрѣчаемся съ двумя фактами: 1) съ существованіемъ войны и 2) съ сознаніемъ, что война есть ненормальное явленіе. „Война есть естественное состояніе народовъ“, писалъ древній писатель. И оно дѣйствительно представлялось настолько естественнымъ, что люди вѣрили въ существованіе боговъ войны. У индусовъ почитался Индра—неистовый богъ войны. Причемъ поучительно, что проникательные жители Индостана уже въ глубокой древности установили связь войны съ пьянствомъ. Индра любить пить сому—божественный опьяняющій напитокъ; когда онъ напьется, онъ становится особенно воинственнымъ и особенно страшнымъ. Можетъ быть въ этомъ представленіи уже подсказывается средство если не для уничтоженія, то для сокращенія войны; отнимите сому, какими бы именами она ни называлась, не у боговъ, конечно, а у людей, и войны сократятся.

У грековъ почитался богъ войны Арей. Но если индусы соединили своего бога войны связью съ виномъ, то греки связали Арея съ богинею раздоровъ—Эридой. Война есть вѣдшее выраженіе раздора. Арей—богъ войны является только тогда, когда уже сдѣлала свое дѣло Эрида. Первая греческая война—полумифическая, а можетъ быть и полуисторическая—въ своемъ исходномъ моментѣ порождена Эри-

дой. Была свадьба боговъ Пелея и Тетиды. Всѣ боги были приглашены на пиръ, но не была позвана лишь Эрида. Боялись, что богиня раздоровъ затѣветъ раздоры на свадьбѣ. Но отъ Эриды не убереглись. Въ самый разгаръ пира она отворила дверь въ залу пирующихъ, бросила яблоко и сказала: прекраснѣйшей. И вотъ, между богинями завязался знаменитый споръ о томъ, кто изъ нихъ прекраснѣй всѣхъ? Третьимъ судьей былъ избранъ красавецъ Парисъ, который призналъ прекраснѣйшею богиню любви Афродиту. Афродита въ награду за это отдала Парису жену Менелая Елену, прекраснѣйшую женщину Греціи. Похищеніе чужой жены было причиною десятилѣтней троянской войны. Если индусъ—человѣкъ волшебныхъ грезъ и волшебныхъ наитіевъ—подчеркнулъ связь войны съ виномъ, то грекъ—этотъ тонкій цѣнитель красоты и женщины указалъ на связь войны съ женщиной. Такъ было встарь, такъ остается и теперь.

Римляне почитали бога войны Марса. Самый Римъ былъ основанъ Ромуломъ, сыномъ Марса. Германцы знали бога грозъ и войны Тора, и мы, славяне, до Владиміра, почитали Перуна, который, въ сущности былъ славянскимъ Торомъ.

Для насъ важнѣйшимъ источникомъ по всемірной исторіи является Библія. И здѣсь начало исторіи является вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ раздоровъ, борьбы и войнъ. На первыхъ страницахъ первой священной книги мы читаемъ, что первый человѣкъ упрекаетъ Бога и осуждаетъ свою жену: „жена, которую Ты, т. е. Богъ, мнѣ дала, дала мнѣ отъ дерева (запрещеннаго), и я ѣлъ“ (Быт. 3, 12). На слѣдующей страницѣ мы читаемъ, что братъ убилъ брата—(Канъ-Авель. 4, 8). Еще не много далѣе, когда образовались народы, мы видимъ постоянныя войны между народами. Собственно исторія въ нашемъ смыслѣ начинается въ Библии словами: „и было во дни Амрафела, царя Сеннаарскаго. Аріоха, царя Елассарскаго, Келдорлаомера, царя Еламскаго, и Тидала, царя Гоимскаго, пошли они войною противъ Беры, царя Содомскаго, противъ Бирши, царя гоморрскаго, Шинавы, царя Адмы, Шемевера, царя Севоимскаго, и противъ царя Белы, которая есть Сигоръ“ (14, 1—2). Въ эту войну былъ вовлеченъ и мирный отецъ вѣрующихъ Авраамъ.

Войны были изначала и въ теченіе вѣковъ онѣ росли и

множились. Сначала—мелкія столкновения мелкихъ племенъ, затѣмъ столкновения народовъ, затѣмъ грандіозныя походы въ отдаленныя страны. Сначала борьба примитивнымъ способомъ, напоминающимъ наши не такъ давно исчезнувшія изъ житейскаго обихода драки, затѣмъ—введеніе въ дѣло шлемовъ, щитовъ, колесницъ, осадныхъ орудій, сначала—война на сушѣ, а потомъ—и на морѣ. Далѣе—введеніе ружей, пушекъ, минъ, бомбъ, варывчатыхъ веществъ. Раньше—борьба на сушѣ и водѣ, теперь—борьба подъ водою при помощи подводныхъ лодокъ и борьба въ воздухѣ съ летательными аппаратами. Раньше—борьба отдѣльныхъ народовъ, въ настоящій моментъ—война, которая должна быть названа всемірною. Война росла, а не малѣлась. О смягченіи ужасовъ войны говорились прекрасныя академическія рѣчи, но ужасы ея лишь возрастали.

И за всѣмъ тѣмъ въ человѣчествѣ всегда жило убѣжденіе, что война вовсе не есть естественное состояніе народовъ. Война есть зло, грубо и насильно вторгшееся въ жизнь человѣчества. Изначала не было войнъ и въ концѣ концовъ ихъ не будетъ. Такова вѣра человѣчества.

Этой вѣрѣ отвѣчаетъ библейское повѣствованіе. Библия учитъ, что въ началѣ все было „хорошо весьма“ (Быт. I, 31). И это не по человѣческой, а по божественной оцѣнкѣ. Люди жили въ раю сладости и не знали, что такое зло. Если хотите, они не знали и что такое добро; не знали, потому что одно добро царило въ мірѣ. Мы познаемъ вещи по сравненію и противоположенію, но тогда добро не съ чѣмъ было сравнивать и не чему противопоставлять. Какъ естественно для матери любить своего ребенка и давать ему все нужное, такъ для первыхъ людей естественно было любить все живое и помогать и содѣйствовать всякому проявленію жизни. Но райская идиллія продолжалась недолго. Завистію діавола зло вошло въ міръ, и создался теперешній ненормальный міровой строй.

Но тоска по идеальномъ строѣ жизни осталась. У разныхъ народовъ мы находимъ преданія о золотомъ вѣкѣ. Сказанія о томъ, что нѣкогда твари не пожирали оди другихъ, что даже неодушевленная природа не страдала отъ людей, что люди относились другъ къ другу лучше, чѣмъ теперь къ брату относится братъ. И такія сказанія въ най-

дете и у высоко культурныхъ грековъ и у дикихъ африканскихъ людоѣдовъ—фановъ и у древнихъ персовъ. Персидское сказаніе объ изначальномъ блаженномъ времени очень напоминаетъ библейское: Дѣвъ—злой духъ изъ полчищъ Аримана—соблазнилъ первыхъ людей вкусить отъ плодовъ (запрещенныхъ), и изъ ста преимуществъ, которыя у нихъ были, у нихъ не осталась ни одного ¹⁾. Легенда фановъ учить. Всѣ люди сначала были вмѣстѣ, они ходили по-среди дороги, по обоимъ сторонамъ которой было по дереву, и всѣ пребывали съ Богомъ. Но мы не стали повиноваться. Тогда Богъ сказалъ: вы злы, я уйду, и мы остались одни. У грековъ мы находимъ поэтичныя описанія золотого вѣка, и что особенно важно, мы находимъ доказательство, что

¹⁾ Вотъ сказаніе Буддегеша—священной книги персовъ—о первомъ грѣхѣ. „Человѣкъ былъ, отецъ міра былъ. Небо назначено было ему подѣ условіемъ, чтобы онъ былъ покоренъ сердцемъ, чтобы онъ со смиреніемъ дѣлалъ дѣло закона, чтобы онъ былъ чистъ въ своихъ мысляхъ, чистъ въ своихъ словахъ, чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ и чтобы онъ не признавалъ дѣвъ (демоновъ). При такихъ условіяхъ мужчина и женщина должны были составлять взаимно счастье другъ другу. Таковы были вначалѣ ихъ мысли, таковы были ихъ дѣла. Они сблизились и жили вмѣстѣ. Сначала они говорили эти слова: Агура-Мазда далъ воду, землю, деревья, животныхъ, звѣзды, луну, солнце и всѣ блага, которыя идутъ отъ чистаго корня и отъ чистаго плода. Но потомъ ложь покрыла ихъ сердца, она извратила ихъ расположеніе и сказала имъ: Ангра-Меніусъ далъ воду, землю, деревья, животныхъ и все то, что названо выше. Въ началѣ Ангра-Меніусъ обманулъ ихъ относительно дѣвъ и до конца этотъ жестокій искалъ только погубила ихъ. Повѣривъ его лжи, оба они стали подобны демонамъ, и ахъ души будутъ въ аду до обновленія тѣла. Они питались въ теченіи 30 дней, они покрывались черными одеждами, черезъ 30 дней они пошли на охоту, бѣлая коза предстала имъ, они извлекли своими устами молоко изъ ея сосцовъ и питались этимъ молокомъ, которое доставляло имъ много удовольствія. Дѣвъ, который говоритъ ложь, сталъ болѣе смѣлымъ, онъ предсталъ во второй разъ и принесъ имъ плоды, которые они ѣли, и вслѣдствіе этого изъ ста преимуществъ, которыми они пользовались, у нихъ не осталось ни одного. Послѣ 30 дней и 30 ночей сѣрый и бѣлый баранъ предсталъ, они отрѣзали у него лѣвое ухо. Наученные небесными язатами, они извлекли огонь изъ дерева коперъ, ударяя по немъ кускомъ дерева. Оба они удивились древесному огню, они раздули его дыханіемъ устъ, они зажгли сначала куски дерева кона, потомъ финиковаго и потомъ мирты. Они изжарили барана, котораго разрѣзали на три части... Съѣвши мясо собаки, они покрылись шкурою этого животнаго, они предались потомъ охотѣ и сдѣлали себѣ жилища изъ шкуръ дикихъ звѣрей“.

представленія золотого вѣка, не являются позднѣйшимъ созданіемъ греческаго генія захотѣвшимъ представить, что его идеалы уже были осуществлены въ прошедшемъ. Такъ писатели XVIII вѣка изображали намъ въ райскомъ видѣ жизнь первобытныхъ дикарей. Такъ писатели XVII вѣка идеализировали намъ жизнь церкви первыхъ вѣковъ. Но не то у грековъ. У нихъ въ ихъ древнемъ культѣ мы находимъ отзвукъ преданій о золотомъ вѣкѣ, а культы—особенно древніе—не создаются философами. Ихъ создаетъ жизнь. Въ мѣсяцъ гекатомбіонъ, падавшемъ приблизительно на нашъ іюль, у грековъ праздновались кроніи. Название происходитъ отъ Кроноса, при которомъ былъ золотой вѣкъ. Во время этого праздника господа прислуживали своимъ рабамъ, ибо въ вѣкъ Кроноса не было рабства. Рабы приобретались завоеваніемъ, войною, а тогда не было войнъ. Такъ естественное сознаніе народа разсматривало рабство и войну, какъ явленія грѣховныя и ненормальныя. А философская мысль, эмансипировавшаяся отъ религіозной традиціи и запутавшаяся среди пестроты явленій, провозгласила войну и рабство естественными явленіями. Естественность и законность рабства признавалъ и Платонъ. Какъ будто чѣмъ дальше жило человѣчество, тѣмъ больше оно освоивалось съ окружающимъ его и вѣдрившимся въ немъ зломъ и тѣмъ болѣе привыкало ненормальный строй жизни считать нормальнымъ.

Но есть законъ жизни, принуждающій бороться со зломъ, слѣдовательно и съ войною. И мы видимъ, что практическія побужденія заставляли людей сдерживать развившіеся воинственные инстинкты и прекращать войны.

Есть одна картина, изображающая событіе изъ временъ древнихъ. Римляне и сабиняне готовы вступить въ бой между собою. Съ обнаженными мечами они наступаютъ другъ на друга. Но вотъ—между врагами врываються женщины—сабинянки по происхожденію, римлянки по замужеству, онѣ простирають руки къ тѣмъ и другимъ, умоляя братьевъ и мужей вложить мечи въ ножны и превратить кровавое столкновеніе въ дружественное свиданіе. Онѣ успѣли въ своихъ мольбахъ. Онѣ оказались побѣдительницами войны и создательницами мира. Но онѣ дѣйствовали не по идеальнымъ, а по родственно практическимъ соображеніямъ. Войны

въ данномъ случаѣ являлась бессмысленной и въ сущности братоубійственной. Ни та, ни другая сторона не могла изъ войны извлечь выгоду. Побѣдять сабиняне, они едѣлають своихъ сестеръ и дочерей вдовами: побѣдять римляне, они едѣлають своихъ женъ сиротами и врагами себѣ. Такъ практическія соображенія нерѣдко могли заставлять опускать мечъ въ ножны раньше, чѣмъ онъ обагрѣлся кровью.

Христосъ сказалъ: „какой царь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятию тысячами противостать идущему на него съ двадцатию тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство—просить о мирѣ“ (Лк. 14, 31—32). Къ несчастію не всегда этотъ текстъ помнили. Не вспомнилъ о немъ и Вильгельмъ II, объявивъ войну миру, разуму и правдѣ. Но были, которые помнили этотъ текстъ и, руководясь имъ, старались избѣгать войнъ.

Практическія соображенія заставляли смягчать ужасы войны. Отъ безчеловѣчныхъ расправъ съ мирными жителями и плѣнными воинами стали воздерживаться, потому что „какъ аукнется, такъ и откликнется“. Нѣмцы въ настоящую войну совершили уже не мало возмутительныхъ звѣрствъ. Но безъ сомнѣнія эти добродушные и благородные люди леребили бы всѣхъ до одного плѣнныхъ, ограбили бы до послѣдней нитки мирныхъ жителей, едѣлавъ ихъ своими рабами, если бы имъ не предносилась печальная перспектива того, что и съ плѣнными нѣмцами не стануть нѣжничать. Отъ этого происходитъ, что, заставляя плѣнныхъ голодать, они однако не доводятъ ихъ до голодной смерти.

Практическія побужденія заставляли сокращать время войны. Средневѣковые властители западной Европы постоянно воевали между собою, но объединенные одною вѣрою они во имя этой вѣры порой прекращали войну. Средне вѣка знали миръ Божій, первоначально введенный кельтскими монахами въ Бургундію и потомъ утвержденный во всей средней и южной Европѣ. Запрещалось воевать съ вечера среды до утра понедѣльника, въ важнѣйшіе праздники и въ важнѣйшіе дни поста. Разумѣется, запрещенія соблюдались не всегда. Въ XIII вѣкѣ миръ Божій былъ забытъ. Попытка поставить на его мѣсто миръ земскій оказалась безрезультатной. На Руси тоже были попытки ввести нѣчто

въ родѣ Божьяго мира. Владиміръ Мономахъ уговаривалъ русскихъ князей не воевать между собою во время великаго поста. Такъ единство религиозныхъ потребностей и обязанностей заставляло христіанъ въ священные дни слагать оружіе и пролитіе крови замѣнять молитвой. Тоже самое мы находимъ у мусульманъ. Въ ихъ лунномъ году есть мѣсяцъ Зюль-хаджъ, мѣсяцъ паломничества. Каждый мусульманинъ—хотя разъ въ жизни—обязанъ совершить въ этотъ мѣсяцъ паломничество въ Мекку и вотъ въ этотъ мѣсяцъ должны прекращаться войны и распри между различными мусульманскими племенами. Такъ, единство вѣры заставляло изъ годовъ войны вырывать мѣсяцы мира. Но понятно, что, когда на мѣсто вѣры стало становиться безвѣріе, одна изъ причинъ для сокращенія войнъ исчезла.

Практическій мотивъ, заставлявшій съ древнѣйшихъ временъ воздерживаться отъ войнъ, въ сущности формулируется русскою пословицею: „худой миръ лучше доброй ссоры“. Но этотъ мотивъ никогда не былъ общепринятымъ. Съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемся съ другимъ своеобразнымъ принципомъ, что мира можно достигнуть посредствомъ ссоры или вражды—посредствомъ войны. Этотъ принципъ, я полагаю, обусловливается непониманіемъ того, что средства и цѣли нераздѣлимы. Если вы обратитесь къ исторіи міра, какъ ее представляетъ Библия, то увидите, что дьяволъ всегда предлагалъ хорошія цѣли, только для достиженія ихъ онъ рекомендовалъ преступныя средства. Дьяволъ предложилъ первымъ людямъ познаніе и свободу. Тоже самое предложилъ потомъ Христосъ: „познаете истину, и истина сделаетъ васъ свободными“. Только дьяволъ для достиженія цѣли рекомендовалъ нарушение воли Божіей, а Христосъ требовалъ ея исполненія. Можно сказать человѣку: воруи, и ты будешь богатъ, и можно сказать: трудись и ты будешь богатъ. Цѣль одна, только средства разныя. Дьяволъ, возведя Христа на высокую гору и показавъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ, предложилъ: „все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“ (Мѣ. 4, 9). Дьяволъ отдавалъ Христу, т. е. воплощенному добру міръ, но требовалъ за это, чтобы добро поклонилось злу. Такимъ путемъ добро не можетъ быть достигнуто. Между тѣмъ въ исторіи міра отъ глубокой древности и до нынѣ мы встрѣчаемъ порою безсознательное, по-

рою сознательное стремленіе къ объединенію всего человѣчества путемъ насилія и чрезъ это къ уничтоженію войнъ. Народамъ присуща идея, что на нихъ лежатъ историческія миссіи. Какъ каждый человѣкъ сознаетъ, что онъ долженъ исполнить нѣкоторыя обязанности по отношенію къ другимъ, такъ народъ, поднявшійся до національнаго самосознанія, сознаетъ, что у него есть обязанности по отношенію къ человѣчеству. Только народы легко при этомъ впадаютъ въ искушеніе. Каждый народъ легко свыкается съ мыслию, что онъ—родъ избранный и что его обязанности заключаются не въ томъ, чтобы служить человѣчеству, а въ томъ, чтобы своей вѣрѣ, своимъ законамъ и своей власти подчинить все человѣчество.

И вотъ—мы видимъ, ассиріяне почитали бога Ассура и считали своею религіозно-политическою обязанностию подчинить этому богу извѣстные имъ народы. Вавилоняне почитали Мардука и представляли, что именно онъ привелъ въ порядокъ міровой строй и ослабилъ дѣйствіе злого начала—Тіамать—въ мірѣ. Къ ногамъ Мардука вавилоняне естественно желали привести весь міръ. Но ни ассиріяне, ни вавилоняне не пошли съ луками, копьями, мечами и колесницами и во славу своихъ боговъ лили кровь народовъ передней Азіи и восточной Африки. Они думали объединить народы подъ свою властію и властію своихъ боговъ, но не объединеніе, а разъединеніе внесли они въ міръ, они не создали единаго обширнаго государства, но они уничтожили союзы государствъ. И конецъ ихъ и ихъ замысловъ былъ—гибель.

На смѣну ихъ выступили мидо-персы. Они шли на народы во имя благаго бога Агура-мазды, который запрещалъ убивать не только людей, но и животныхъ, если въ этомъ не было нужды, который запрещалъ приносить ему кровавыя жертвы. И однако думая служить Агура-маздѣ, персы служили его противнику Ангра-меніусу, олицетворенію злого принципа, они лили кровь и убивали созданія благаго Агура-мазды. Легенда о смерти Кира, отрубленная голова котораго будто бы плавала въ крови, по поводу чего было замѣчено, что пусть онъ напьется крови по смерти, если не могъ—хотя и хотѣлъ напиться ею при жизни, эта легенда показываетъ, что въ сознаніи древнихъ народовъ Киръ трактовался такъ же, какъ

тракуется теперешнимъ культурнымъ человѣчествомъ кровавый кайзеръ нашихъ дней. Камбизъ, убившій быка аписа, оскорбилъ религіозное чувство египтянъ, но не оказалъ услуги Агура-маздѣ, ибо быкъ есть созданіе Агура-мазды.

Притупился и мечъ персовъ. На встрѣчу имъ двинулся народъ тоже съ цѣлю покорить народы, но уже не во имя религіозно-политическаго, а во имя культурнаго принципа. Элліны хотѣли подчинить варваровъ, чтобы приобщить ихъ къ эллинской образованности. Александръ Македонскій несъ не только мечъ, но и культуру народамъ. Но въ этой культурѣ въ концѣ концовъ не оказалось ни физической силы, ни нравственной мощи. Она не могла покорить народы грекамъ. Если персы въ роли вселенной владыкъ могли продержаться около двухъ столѣтій, то греческое владычество обнимаетъ собою лишь правленіе Александра Македонскаго, умершаго всего лишь 33-хъ лѣтъ отъ роду.

За всѣмъ тѣмъ ассиро-вавилонскія, мидо-персидскія и даже эллинскія завоевательныя движенія были, пожалуй, не просознанными. Сознательно къ покоренію міра первыми начали стремиться римляне. Народъ права и порядка, римляне смотрѣли такъ, что благополучіе народовъ обусловливается хорошими порядками и законами. Они ихъ имѣютъ и они должны дать ихъ міру, а для этого они должны покорить міръ. Ихъ верховный богъ—Юпитеръ—въ ихъ представленіи былъ богомъ права. Въ эпоху Августа свою историческую миссію римляне исповѣдывали уже ясно и твердо. „Юпитеръ говоритъ Венерѣ про римлянъ вселенной владыкъ, народъ одѣянный тогой“.

Этихъ власти уже ни границъ, ни времени я не ставлю;
Царство имъ даль безъ конца

Туть съ устраненіемъ войнъ времена укротятся крутыя,
Вѣрность съдая и Веста и Ремъ при братѣ Квиринѣ
Будутъ законы давать; желѣзомъ затворовъ запрутся
Грозныя двери войны (Ин. I, 278, 279, 282, 291—4)* 1)

Храмъ Януса у римлянъ отпирался только во время войны. Уже въ древности восхвалялись цари, при которыхъ онъ оставался закрытымъ. Вергилій мечталъ, что нѣкогда онъ

1) Цитатъ изъ Соловьева Владим. С.—Всемирная монархія (Брокгаузъ—Словарь. 13 стр. 392).

закроется навсегда. Но эти мечты Августа, котораго воспѣвалъ Вергилій, хотѣлъ осуществить силою меча. И мечъ Августа столкнулся съ мечемъ новаго народа, который сокрушилъ легіоны Августа и впервые поколебалъ мощь Рима. Это былъ народъ германцевъ.

Можетъ быть на дѣлѣ германцы и не такъ воинственны, какъ римляне, но въ своихъ мечтахъ и грезахъ они являются гораздо воинственнѣе. Римляне воевали, но войнами они хотѣли положить конецъ войнѣ. Когда Катонъ говорилъ: *praeter ea puto, Carthaginem delendam esse*, онъ разумѣлъ, что въ разрушеніи Карфагена заключается залогъ благополучія и мира. Германцы не только не думали о концѣ войнъ на землѣ, но съ ихъ точки зрѣнія и небесный рай немислимъ безъ войнъ. Безъ драки для нихъ и рай не былъ бы раемъ. Ихъ блаженное обиталище усопшихъ—валгалла открываетъ свои двери прежде всего для воиновъ павшихъ въ бою, а потомъ для воиновъ вообще. Блаженная жизнь валгалльскихъ героевъ заключалась въ томъ, что они каждое утро съ пѣніемъ пѣтуховъ выходили на бой между собой и добросовѣстно дрались до полудня. Въ полдень всѣ полученные раны заживали, къ героямъ возвращались силы, здоровье и аппетитъ, и они садились обѣдать. Верховный богъ одинъ впрочемъ не обѣдалъ, онъ только пилъ вино, а герои присоединяли къ вину сало кабана Земиммира и медь изъ вымени козы Гейдрунъ. У насъ часто иронизируютъ надъ раемъ Магомета. Напрасно. Во 1) кораномъ по его духу и характеру отрицается возможность грубо чувственнагорая. Во 2) и въ фантастическомъ магометовомъ раѣ, гдѣ вѣрные вкушаютъ блаженство въ объятіяхъ гурій, безусловно нѣтъ мѣста враждѣ и дракѣ. Между тѣмъ какъ нѣмцу для блаженства, оказывается, необходимо давать кому-нибудь въ зубы. Христіанство, разумѣется, измѣнило теоретическія представленія германцевъ о раѣ, но вождедѣнія ихъ остались тѣже. Они должны докорить себѣ Европу, а за нею уже и весь міръ.

Вождедѣнія эти сказываются и въ нѣмецкой наукѣ. Мы признаемъ себя арійскою расою. Арійская раса дѣлится на двѣ вѣтви: азіатскую и европейскую. Азіатскую вѣтвь главнымъ образомъ представляютъ индусы; поэтому вмѣсто выраженія „арійская раса“ мы часто употребляемъ выраженіе

„индоевропейская раса“. Но нѣмцы говорятъ не такъ, они употребляютъ терминъ: „индогерманская раса“. Кельтскіе, романскіе и славянскіе народы ими считаются ни за что. Европа находитъ свое выраженіе въ Германіи.

Желаемое германцы стали считать достигнутымъ. Полагая счастье челоѵчества — а прежде всего, разумѣется, свое собственное — въ томъ, чтобы они владѣли міромъ, германцы вообразили, что они имъ уже владѣютъ. Они приказали Австріи наказать Сербію. Позже германскій императоръ рѣшилъ присоединить предательскую Бельгію къ прекраснымъ провинціямъ Германіи, взять Парижъ у выродившейся Франціи и послать карательную экспедицію въ варварскую Россію. Въ этомъ рѣшеніи германскаго императора, за которымъ стоитъ нація, представляется много страннаго. Зачѣмъ предательскую страну присоединять къ прекраснымъ странамъ? Зачѣмъ такъ тянуться къ городу созданному трудомъ и гениемъ выродившейся націи? Зачѣмъ, перискованно ли посылать карательныя экспедиціи къ варварамъ? Вѣдь, Варъсъ своими легіонами шелъ нѣкогда покарать варвара Арминія и его варварскія полчища. Но германскій варваръ Арминій уничтожилъ легіоны Вара. А теперь трупы германцевъ, собравшихся карать насъ, гніютъ и отравляютъ воздухъ на нашей западной окраинѣ и въ восточной Пруссіи. Всемирная германская монархія, кажется, умерла, не родившись. Наполеонъ нѣкогда достигъ гораздо большаго, чѣмъ Вильгельмъ II до войны. Римляне были владыками міра. Александръ Македонскій покорилъ все, встрѣтившееся ему на пути. Но германскій императоръ оказался сильнымъ, лишь пока угрожалъ. Его переходъ отъ угрозъ къ дѣйствіямъ оказался самоубійственнымъ.

Идея всемірной германской гегемоніи сама по себѣ является болѣе нелѣпою, чѣмъ дохристіанскія мечты о всемірныхъ монархіяхъ. Объединеніе на началахъ культуры, предпринятое Александромъ Македонскимъ, не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія. Объединеніе на началахъ права и порядка при различіи религій, предпринятое Римомъ, съ точки зрѣнія римскаго политеизма не представлялось чѣмъ-то немислимымъ. У политеизма есть своя толерантность. Римляне построили пантеонъ и въ немъ рядомъ съ римскими богами гостепрѣмно представили мѣсто и Мигръ и

Изидѣ и многимъ инымъ богамъ различныхъ народовъ и странъ. Этотъ союзъ религій не вызываетъ удивленія. Политенстическіе народы рядомъ съ своими богами допускали существованіе у другихъ народовъ своихъ боговъ. Совсѣмъ другое дѣло—союзъ, который мы наблюдаемъ нынѣ. Протестантъ Вильгельмъ называлъ папу Льву XIII своимъ другомъ и сверху образа Ченстоховской Божіей Матери приказалъ помѣстить изображеніе папы и свое. Здѣсь можно растеряться. Почитаніе иконъ съ точки зрѣнія протестантской есть суевѣріе. Признаніе непогрѣшимости папы съ ихъ точки зрѣнія есть кощунство. Въ какую же компанію попалъ протестантскій императоръ? Въ компанію, поощряющую суевѣрія и кощунство. Но это еще только цвѣточки. По благодѣтельному приказу христіанскаго императора мусульмане должны объявить священную войну (газавать) христіанамъ. Что же это за христіанскій императоръ, объявляющій себя главою протестантизма? Мошенникъ, готовый эксплуатировать исламъ и католичество въ своихъ корыстныхъ цѣляхъ, или сумасшедшій, въ представленіи котораго смѣшиваются и отождествляются папа и Магометъ, изображеніе полумѣсяца и образъ Божіей Матери. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ потемнѣніемъ ума или потемнѣніемъ совѣсти, мы одинаково не желаемъ и не можемъ желать успѣха этому преступному начинанію и увѣрены, что этого успѣха не будетъ.

Когда у Рима не стало легионовъ, папы стали посылать въ міръ новые догматы. Въмѣсто мечей они стали посылать идеи. Наоборотъ, въ Германіи, когда не стало философіи—а она сейчасъ влачитъ тамъ жалкое существованіе,—Германія послала міру пушки, бомбы, подводныя лодки и цеппелины. Римъ началъ съ кулака, а кончилъ идеями. Германія начала съ идей, а кончила кулакомъ.

На попыткѣ Германіи, поднявшей мечъ на весь міръ, оправдаются слова Христа „всѣ взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть“ (Мѡ. 26, 52; Откровеніе 13, 10).

Но въ той же Германіи, какъ и во всѣхъ странахъ міра, есть люди, мечтающіе о созданіи всеобщаго мира и благополучія какъ будто и безъ войны. Говорю: какъ будто, потому что образъ ихъ дѣйствій, которымъ они хотятъ реализовать свои идеалы, никакъ нельзя назвать мирнымъ. Я разумѣю социалістовъ. Они хотятъ дать всѣмъ людямъ обла-

даніе истиной и свободой и установить между всѣми братство и равенство. Прекрасная цѣль! Она какъ будто является осуществленіемъ завѣта Христа: „Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. 8, 32). Но вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь, и діаволь первымъ людямъ предлагалъ тоже самое. Будете знать доброе и злое, т. е. будете знать истину, и будете, какъ боги, т. е. будете могущественны и свободны.

Свобода есть удѣлъ гражданъ царствія Божія. Но царствіе Божіе не есть географическая территория, опредѣляемая какими-либо широтами и долготами: человѣкъ находитъ его въ самомъ себѣ. «Царствіе Божіе внутрь васъ есть» (Лук. 17, 21). При другомъ случаѣ Христосъ сказалъ: «царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его» (Мѣ. 11, 12). Подъ царствомъ небеснымъ здѣсь разумѣется тоже царствіе Божіе (см. Лук. 16, 16). Оказывается, что нужна энергичная самодѣятельность, нужно употребленіе силы и усилій, чтобы стать членомъ царствія Божія, быть въ истинѣ и свободѣ. Богъ и діаволь предлагаютъ одно и тоже человѣку: истину и свободу. Но средства предлагаемыя ими совершенно различны. Богъ предлагаетъ человѣку свободную самодѣятельность споспѣшествующую Божественною благодатью. Діаволь предлагаетъ сдѣлку кажущуюся необыкновенно выгодною. Никакихъ трудовъ, никакихъ усилій, а такъ какіе-нибудь пустяки: обмануть кого-нибудь, взять себѣ непринадлежащее, присвоить себѣ чужія права или власть, вообще допустить ложь или произвести стѣсненіе чей-либо свободы, и отъ этого должны восторжествовать истина и свобода.

Трагическій характеръ человѣческой исторіи и обусловливается тѣмъ, что отъ дней Евы и до настоящаго времени люди поддаются на удочку діавола и стремятся обрѣтать царствіе Божіе безъ трудовъ и усилій путемъ дешевой сдѣлки съ діаволомъ. Человѣку присущи стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ. Человѣкъ сознаетъ, что его долгъ—знать истину. Онъ не обязанъ знать интригъ и конспирацій своихъ ближнихъ, но обязанъ знать высшую истину, опредѣляющую всѣ его обязанности. Обязанъ знать правду. Обязанъ разыскать ея. Мы знаемъ, что лучшіе люди всѣхъ временъ искали ее. Мы читали, какъ искали правды св. Іустинъ, блаж. Авгу-

стинь, св. Владиміръ. Но вотъ—выступаетъ діаволь и зачинаеть напещивать: «вамъ нечего искать истины, вы ее уже знаете. Истина есть то, что вы видите. Чего вы не видали, того и не существуетъ. Вы не видали Бога, Его и нѣтъ. Предъ вашими глазами не совершалось чудесъ, ихъ не бываетъ. Вамъ не являлись обитатели иныхъ—духовныхъ—міровъ и ваши умершіе, потому что нѣтъ никакихъ міровъ кромѣ этого матеріальнаго. Все живущее живетъ въ этой матеріальной вселенной. Не ищите ничего вышшаго, потому что нѣтъ ничего выше васъ. Зная себя, вы знаете высшее проявленіе разума, знаете всю міровую разумность. Вы то именно и суть боги и нѣтъ никакихъ боговъ вышнихъ, чѣмъ вы. Но если вы боги, хотя и ограниченные природною необходимостію, то поскольку вы не связаны этою необходимостію, вы сами себѣ законъ. Вы сами опредѣляете себя». Повидимому, здѣсь торжество свободы, но это только повидимому. Здѣсь только миражъ свободы. Во-первыхъ, здѣсь человекъ дѣйствуетъ, не зная истины, дѣйствуетъ во имя мнимаго знанія. Его способность къ самоопредѣленію уже обманута. Во-вторыхъ, не зная высшей истины, онъ подчиняется въ своемъ самоопредѣленіи, какъ истинѣ, тому, что одинъ англійскій мыслитель назвалъ духовнымъ климатомъ момента. Въ каждую эпоху и въ каждомъ мѣстѣ существуютъ умственныя теченія, настроенія, стремленія, догматы: за нихъ ухватываются люди, не хотящіе принять Бога по наслѣдству отъ предковъ, какъ внѣшній авторитетъ, и не употребляющіе усилій, чтобы ощутить Бога истины въ себѣ. Чтобы быть счастливымъ, нужно знать истину, нужно быть мудрымъ. Діаволь даетъ чрезвычайно простой рецептъ счастья: «обманите себя, сочтите ваше незнаніе знаніемъ и ваше невѣжество мудростію, и вы будете счастливы».

Человекъ сознаетъ, что онъ долженъ дѣлать добро, долженъ воспитывать добро въ себѣ и другихъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы вокругъ него, какъ въ шестой день творенія, все было «хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Но воспитывать въ себѣ добрую настроенность очень трудно, воспитывать такую настроенность въ другихъ еще труднѣе. Между тѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы душа человекъ была добра. тогда и всѣ дѣла его будутъ добры, и будетъ царство добра. На землѣ очень много благъ, и если бы люди были добры и

любили другъ друга, то тогда этихъ земныхъ благъ у каждаго было бы столько; сколько ему нужно. Христосъ и сказалъ объ этихъ благахъ: «ищите прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ» (Мѣ. 6, 33). Но является дѣволъ и говоритъ: ищите прежде этого всего, а царство Божіе и правда Его приложатся сами собою; прежде всего нужно, чтобы люди имѣли блага. Отнимите у имущихъ и отдайте неимущимъ. Ущербъ причиненный немногимъ дастъ довольство многимъ. Предложенія духа тьмы всегда крайне однообразны: станьте рабами, и вы получите свободу; причините зло, и вы создадите счастье. Путемъ ограбленія богатыхъ создается счастье міра. Какой простой путь! Въ Макбетѣ Шекспира мы читаемъ разсужденіе маленькаго Макдуффа узнавашаго, что лжецовъ и клятвопреступниковъ вѣщаютъ честные люди: «лжецы и клятвопреступники значить дураки, потому что ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы перебить и перевѣшать честныхъ людей» (Pearson's Shakespeare. edit. by Howard Staunton. Vol. III. p. 504). Измѣняя это разсужденіе, должно сказать: бѣдные люди значить дураки, потому что ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы они могли ограбить богатыхъ. Экспериментъ слишкомъ простъ и на пространствѣ вѣковъ онъ производился многократно и многообразно. Результатъ его всегда былъ одинъ и тотъ же. Символически онъ изображенъ въ библейскомъ описаніи сна фараона. «Сказалъ фараонъ Юсифу: мнѣ снилось: вотъ, стою я на берегу рѣки: и вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ тучныхъ плотью и хорошихъ видомъ и паслись въ тростникѣ; но вотъ, послѣ нихъ вышли семь коровъ другихъ, худыхъ, очень дурныхъ видомъ и тощихъ плотью: я не видывалъ во всей землѣ Египетской такихъ худыхъ, какъ онѣ; и съѣли тощія и худыя коровы прежнихъ семь коровъ тучныхъ: и вошли тучныя въ утробу ихъ: онѣ были такъ же худы видомъ, какъ и сначала. И я проснулся» (Быт. 41, 17—21). Если бы счастье міра зависѣло отъ перераспредѣленія богатствъ, это давно было бы сдѣлано. Напрасно думаютъ, что въ теченіе тысячелѣтій люди не догадались сдѣлать того, что такъ легко сдѣлать. Но попытки сдѣлать это легкое приводили всегда къ повторенію картины сна фараона: тощія коровы, пожравъ тучныхъ, не становились полнѣе. Бывало и нѣчто худшее.

Убіеніе курицы несущей золотыя яйца заставляло еще болѣе худѣть тѣхъ, которые и раньше были тощи. Если бы можно было раздѣлить поровну не только матеріальныя блага, но и знанія и умѣнье работать, то и тогда,—хотя и значительно увеличилось бы благополучіе человѣчества,—осталась бы безграничная территория для проявленія зла: зложелательство, злорадованіе, зависть продолжали бы отравлять жизнь. Абсолютнаго равенства создать нельзя: у одного можетъ носъ оказаться красивѣе, чѣмъ у другого. Тотъ можетъ носить платье красивѣе, чѣмъ его ближній. А зависть дѣйствуетъ главнымъ образомъ въ области малыхъ, а не большихъ неравенствъ. Бѣднякъ, имѣющій пятакъ, обыкновенно завидуетъ не миллионеру, а своему сосѣду, имѣющему гривенникъ. Но люди могутъ дѣлить только деньги и вещи. Они даже не могутъ раздѣлить пониманія вещей. Тѣмъ болѣе они не могутъ раздѣлить знаній, способностей, склонностей. Практическій идеаль человѣчества можно свести къ тремъ началамъ:

1) Чтобы на землѣ каждый могъ получать необходимыя ему блага. 2) Чтобы существовалъ такой порядокъ или строй, при которомъ каждая индивидуальность имѣла бы возможность полного и совершеннаго развитія. 3) Чтобы тяжелая сторона труда была сложена не только съ людей, но и съ животныхъ на машины, и чтобы людямъ была оставлена только работа усовершенствующая ихъ физически и духовно. Для достиженія первой и третьей цѣли нужно всестороннее развитіе техники, которое можетъ быть достигнуто только временемъ, трудомъ и гениемъ. Достиженіе второй цѣли стоитъ въ зависимости, какъ отъ развитія техники, такъ и отъ моральнаго развитія человѣчества. При невысокомъ состояніи техники и при невысокомъ моральномъ развитіи проведеніе принципа равенства, не допускающаго никому подняться надъ уровнемъ посредственности, будетъ давить все выдающееся, приведетъ къ гибели генія, остановитъ прогрессъ или—вѣрнѣе—сообщитъ движенію человѣчества обратное направленіе. Это и нужно темнымъ силамъ зла. Равенство есть начальное состояніе людей и оно должно стать ихъ идеальнымъ состояніемъ. На пути отъ этого начала къ этому идеалу стоитъ дифференціація. Сокрушить ее дубинами, какъ сокрушали варвары стараго времени статуи Фидія и Проксителя,

нельзя. Нельзя и уничтожить ее бомбами, какъ уничтожаютъ неудобныхъ людей варвары новаго времени. Двойное зло происходитъ отъ этого дикаго способа уничтоженія зла. Озлобленіе развивается въ тѣхъ, кому или близкимъ кого грозятъ бомбами, и въ тѣхъ, которые хотятъ при помощи бомбъ вести войну ради торжества добра. Происходитъ умноженіе зла. Торжество добра отодвигается за горизонты будущаго. Въ современной печати очень перѣдко встрѣчаются разсужденія, что ненужно заниматься филантропіей, нечего помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Что, говорятъ, можетъ выйдти изъ такой филантропіи? Пять—десять бѣдняковъ будутъ выведены на хорошій и счастливый путь, но нищета, страданія и зло останутся. Нѣтъ; нужно сразу совершить радикальный переворотъ и уничтожить зло. Во имя этихъ разсужденій бросаютъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ въ нужды и страданія и уходятъ на великую борьбу со зломъ. Не хотятъ довольствоваться малыми подвигами, хотятъ подвиговъ великихъ. Евангеліе обѣщаетъ награду и за чашу студеной воды, но они думаютъ, что если напоить и накормить десять человѣкъ, то и это ничего не стоитъ. Они хотятъ облагодѣтельствовать или, по крайней мѣрѣ, 160 милліоновъ русскаго народа или—еще лучше—полторы тысячи милліоновъ всего человѣчества. Но если бы всѣ такъ дѣйствовавшіе и дѣйствующіе своеобразные идеалисты запасъ своихъ силъ—а этихъ силъ у нихъ не мало—отдали на служеніе матеріальному преуспѣянію и культурному развитію бѣдныхъ и низшихъ слоевъ населенія, то они теперь бы уже далеко подошли къ намѣченному ими политическому, социальному и экономическому идеалу. Но они хотятъ путемъ одного переворота добиться того, чего можно достигнуть лишь медленнымъ и долгимъ поступательнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе этого идеаль равнаго развитія и равнаго благосостоянія людей остается далеко, далеко. А тѣ, которые думаютъ, что они осуществятъ этотъ идеаль завтра или послѣ завтра, страдаютъ и причиняютъ много тяжкихъ страданій и своимъ близкимъ, и своимъ врагамъ.

Крушеніе попытокъ или по крайней мѣрѣ неудовлетворительные результаты попытокъ утвердить добро посредствомъ зла издавна послужили поводомъ къ созданію своеобразныхъ приемовъ борьбы со зломъ, которые въ послѣднее время по-

лучили названіе непротивленія злу. Ненужно бороться со зломъ, и оно исчезнетъ само собою. На насъ съ вами идутъ съ войною. Не будемъ воевать, и тѣ, которые шли на насъ, не встрѣчая сопротивленія, опустятъ свои мечи. У насъ, да и не только у насъ, но и на западѣ, распространено предствленіе, что эту теорію создалъ графъ Л. Н. Толстой. Нѣтъ; эта теорія существовала за тысячелѣтія до Толстого, а имъ она предложена въ самой неудачной формѣ и въ самое неподходящее время. Я лично родоначальникомъ этой теоріи считаю китайскаго мудреца Лао-тци. Лао-тци былъ современникомъ Конфуція и считается основателемъ таоизма.

Лио-цзы, ученикъ Лао-тци, рассказываетъ: однажды Конфуцій встрѣтилъ двухъ мальчиковъ, спорившихъ между собою. Онъ остановился и спросилъ: о чемъ они спорятъ? Первый сказалъ: «я утверждаю, что солнце при восходѣ ближе къ намъ, а въ полдень, когда достигаетъ наибольшей высоты, дальше, потому что при восходѣ оно кажется больше колеса, а въ полдень не больше блюдечка». Второй возразилъ: «я утверждаю, что утромъ солнце бываетъ дальше, а въ полдень всего ближе къ намъ, потому что утромъ бываетъ холодно, а въ полдень, благодаря солнцу, тепло». Конфуцій сознался, что не можетъ рѣшить этого спора. Мальчики стали смѣяться, говоря: «ступай, а еще говорятъ, что ты ученый». Незавѣстно, какъ сами таоисты разрѣшали это недоумѣніе о несоотвѣтствіи величины солнца съ подаваемымъ имъ тепломъ, но этотъ рассказъ ясно показываетъ, что къ конфуціанской мудрости таоизмъ относился иронически. Отношенія Конфуція къ мудрости Лао-тци легенда представляетъ совершенно иными. Конфуцій посѣтилъ Лао-тци и, говорятъ, излилъ предъ нимъ всю горечь по поводу неудачъ въ своихъ предпріятіяхъ: власти отказывались допускать его къ участию въ управленіи, ученики покидали его и не слушали его ученія. Лао-тци сказалъ: «если извѣстно, что болтунъ грѣшитъ въ доводахъ и что слушателя сбиваетъ съ толку чрезмѣрная болтовня, то путь (Дао—или Тао) никогда не можетъ быть забытъ... Мудрецъ чуждается свѣта... не довѣряется всякому встрѣчному и сообразуется съ временемъ и обстоятельствами. Въ добрыя времена онъ говоритъ, въ тяжелья безмолвствуетъ. Обладатель сокровища скрываетъ его

отъ всѣхъ, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашаетъ, что у него есть сокровища...» Истинно добродѣтельный не выставляетъ напоказъ свои добродѣтели. «не трубить въ уши всѣхъ и каждому, что онъ добродѣтеленъ и мудръ». Возвратясь къ ученикамъ, Конфуцій сказалъ: «знаю, что птицы летаютъ, рыбы плаваютъ, звѣри бѣгаютъ, однако бѣгущихъ можно остановить тенетами, плавающихъ—сѣтями, летающихъ—стрѣлою. Но что касается дракона, я не знаю, отчего онъ носится на облакахъ и поднимается къ небу. Сегодня я видѣлъ Лао-тци и могу уподобить его только дракону». По другимъ сказаніямъ, Конфуцій сказалъ будто бы: «вообразите себѣ дракона, кольцами неизмѣримаго туловища объемящаго всю вселенную. Таковъ разумъ Лао-тци».

Сказалъ ли это Конфуцій или нѣтъ, но эти слова возможны въ его устахъ. Конфуцій былъ человѣкомъ города, постоянно вращался со множествомъ людей и много говорилъ. Лао-тци былъ человѣкомъ безмолвія и пустыни. Оба они любили добро и оба вѣрили, что природа человѣка по существу добра. Но при своихъ попыткахъ воплотить добро Конфуцій постоянно терпѣлъ неудачу и, можетъ быть, прислушиваясь къ голосу своего сердца, онъ замѣчалъ, что неудачи и его самого дѣлаютъ недобрымъ и неустойчивымъ, заставляютъ раздражаться и поступаться принципами. Въ Лао-тци онъ увидѣлъ могучую и спокойную нравственную силу, которая не страдаетъ никакихъ бурь. Спокойствіе Лао-тци прежде всего утверждалось на вѣрѣ въ Тао. Слово «Тао» или «Дао» собственно значитъ дорога, путь. Книги таоизма опредѣляютъ его образно и многообразно. Толкуя эти опредѣленія, подъ нимъ хотѣли понимать міровой разумъ, неоплатоническій *λόγος* откровеніемъ котораго является вселенная. Но, повидимому, понятіе Тао и шире и уже понятія неоплатоническаго *λογος*'а. *Λογος* неоплатониковъ есть божество, представляетъ собою дѣйствительную реальность. Тао Лао-тци не богъ, да Лао-тци въ своей системѣ и не отводитъ мѣста божеству. Такимъ образомъ Тао какъ будто уже *Λογος*'а. Тао только потенція бытія. Но съ другой стороны Тао есть и самое бытіе, все существующее, и тогда понятіе его становится несравненно шире понятія *Λογος*'а. Лао-тци говорилъ: если бы я былъ одаренъ благоразуміемъ, я шелъ бы по великому Тао... Великій путь совершенно равенъ, но люди любятъ хо-

дять по тропинкамъ... Тао больше, чѣмъ путь. Это—путь и путникъ вмѣстѣ. Это—вѣчная дорога, которую проходятъ существа и предметы. Ее не создало никакое существо, такъ какъ оно само есть сущее. Оно все и ничто, причина и слѣдствіе. Все происходитъ изъ Тао, пребываетъ въ Тао и возвращается въ Тао... «Тао наполняетъ вселенную своимъ величіемъ, хотя оно такъ утончено, что вполне помѣщается на кончикѣ паутинной нити. Оно заставляетъ солнце и луну идти по ихъ пути и даетъ жизнь мельчайшему насѣкомому; безформенное, оно—источникъ всякой формы, беззвучное, оно—источникъ всѣхъ звуковъ, невидимое, оно—основа всякаго видимаго предмета, бездѣйствующее, оно—причина всякаго дѣйствія, оно—безлично и безстрастно, безжалостно достигаетъ своихъ цѣлей и однако всюду распространяетъ благоденствіе». Мнѣ кажется, я буду недалеко отъ мысли философа-отшельника, если, руководясь приведенными и подобными опредѣленіями Тао, резюмирую ученіе о немъ такимъ образомъ. Тао, это—естественные законы бытія и вмѣстѣ осуществленіе ихъ въ бытіи. Законы бытія, это—премудрость; осуществленіе ихъ, это—благо. Отсюда мораль: должно осуществлять естественные законы, должно жить согласно съ природой.

Но горе въ томъ, что кромѣ природы естественной явилась природа искусственная. Подъ естественной природой разумѣется то, что просто, чисто, неосквернено, неискусственно, прямо, свѣтло, безгрѣшно и никогда не подвергалось чуждымъ примѣсямъ или какой-либо поддѣлкѣ. Волъ имѣетъ рога и раздвоенныя копыта, лошадь—гриву и цѣльныя копыта, это—природа естественная. Но если вложить въ ротъ лошади удила и проткнуть ноздри вола, это будетъ природа искусственная». Примѣняя эту философію къ нашимъ обычаямъ и нравамъ, можно сказать такъ, если у меня мало на головѣ волосъ, то это—природа естественная, а если я прикрою парикомъ этотъ недостатокъ, то это будетъ природа искусственная. Мертвенный цвѣтъ моихъ губъ—природа естественная. Если я покрою ихъ губной помадой, ихъ ярко-красный цвѣтъ будетъ дѣломъ природы искусственной. Въ философіи Лао-тзи замѣчательно подробно и основательно выяснено, что не только появленіе природы искусственной есть признакъ паденія и зла, но и разсужденіе о природѣ есте-

ственной является уже зловѣщимъ симптомомъ. Таоветскій философъ Сы-ма-цянъ передаетъ слѣдующій разговоръ Конфуція съ Лао-тци. На сообщеніе Конфуція, что основа и-кингъ есть разсужденіе о человѣколюбіи и справедливости, Лао-тци сказалъ: «нынѣ справедливость и человѣколюбіе только пустой звукъ. Они лишь прикрываютъ жестокость и смущаютъ сердца людей. Никогда не было большихъ смуть, чѣмъ теперь. Голубь не купается каждый день, чтобы выглядѣть бѣлымъ, и ворона не красится каждое утро, чтобы казаться черной». Смыслъ словъ Лао-тци тотъ: если бы голубь началъ купаться, а ворона краситься, то это было бы признакомъ того, что они утратили естественную окраску. То же и съ людьми. Если бы всѣ были человѣколюбивыми, почти-тельными и преданными, то никто не толковалъ бы объ этихъ качествахъ, ихъ никогда и не называли бы. Если бы всѣ люди были добродѣтельными, то самыя названія пороковъ не были бы извѣстны. Рѣчь о добродѣтели, это—первая ступень нравственнаго регресса, который Лао-тци изображаетъ въ слѣдующей схемѣ: когда исчезаетъ Тао (безсознательное осуществленіе добродѣтели), является добродѣтель (сознательное осуществленіе ея возможно въ человѣкѣ только при пониманіи порока); когда исчезаетъ добродѣтель, является снисхожденіе (съ терпѣніемъ, но безъ любви оказываемое добро); когда исчезаетъ снисхожденіе, приходитъ справедливость (нравственность смѣняется правомъ); когда исчезаетъ справедливость, приходитъ приличіе, т. е. попросту лицемеріе. Переставъ быть справедливыми, люди продолжаютъ еще стараться казаться справедливыми. Лао-тци не идетъ далѣе, но остающаяся ступень нравственнаго паденія понятна сама собою. Человѣкъ становится на нее, когда сбрасываетъ съ себя послѣдній покровъ стыдливости и, не прикрываясь никакими фразами, рветъ и отнимаетъ у другихъ все то, что только можетъ, для удовольствія своего эгоизма. Изъ схемы Лао-тци вытекаетъ, что существованіе высшего добра возможно тогда, когда не будетъ изученія добродѣтели и не будетъ борьбы, напряженій и усилій въ ея осуществленіи. Высшая добродѣтель осуществляется сама собою безъ знанія и безъ усилія. Всякое усиліе быть вѣрнымъ природѣ противно ей по той причинѣ, что оно есть усиліе. Сильный вѣтеръ не дуетъ цѣлое утро, и проливной

дождь не идетъ цѣлый день. Такъ и усилія человѣка, чѣмъ они напряженнѣе, тѣмъ кратковременнѣе. Небо и земля не стремятся къ жизни, оттого небо долговѣчно и земля постоянна. Мудрецъ становится на послѣднее мѣсто, т.-е. не пробиваетъ себѣ дороги, и потому занимаетъ первое. Не должно бороться, не должно противодѣйствовать событіямъ, самое большее—нужно примѣняться къ нимъ. Пассивность и самоотреченіе, вотъ — принципы, выдвигаемые Лао-тци. Примѣняя ихъ къ правителямъ, онъ говорилъ: мудрый правитель помнитъ, что «народъ растетъ, а не создается человѣческими руками». Насколько это правило, считающее за собою болѣе двухъ тысячелѣтій, выше претензій современныхъ культурныхъ людей перевоспитать и преобразовать народъ по своему образу и подобию! И еще Лао-тци сказалъ о правителяхъ: «тотъ, кто приметъ на себя безчестье страны, называется ея властителемъ, а тотъ, кто приметъ на себя ея бѣдствія, называется царемъ міра». Лао-тци приписываютъ изреченіе: «воздавай за зло добромъ». Сущность добра въ человѣкѣ онъ полагалъ въ состраданіи, умѣренности и смирении. Будучи сострадательнымъ, я могу быть храбрымъ; будучи умѣреннымъ, я могу быть щедрымъ; будучи смиреннымъ, я могу начальствовать надъ людьми. Но теперь люди отказались отъ состраданія и развиваютъ только злость, отказались отъ умѣренности и хотятъ быть только щедрыми, отказались отъ послѣдняго мѣста и ищутъ только перваго. Поступая такъ, они, по Лао-тци, никогда не получаютъ того, что ищутъ. Найдеть тотъ, кто не ищетъ, кто не производитъ успій. Самыя слабыя существа подчиняютъ себѣ въ свѣтѣ самыхъ сильныхъ. Ничего нѣтъ подъ небомъ твердѣе и мягче воды, однако вода преодолеваетъ твердость скалы и камней. Высшая форма добра подобна водѣ, благотворной для всѣхъ безъ усилія. Когда въ имперіи много запретительныхъ законовъ, народъ все бѣднѣетъ и бѣднѣетъ; когда страна чрезмерно накопляетъ богатство, въ семьяхъ и государствахъ исчезаетъ нравственность; когда люди становятся слишкомъ искусными, въ употребленіе входятъ странныя и фантастическія вещи; когда наказанія чрезмерны, число преступниковъ умножается. Поэтому мудрецъ говорить: «я ничего не дѣлаю, и народъ совершенствуется самъ собой, я люблю покой, и народъ самъ силою собственной воли

становится справедливымъ; я не начинаю никакихъ предпріятій, и народъ обогащается; я не имѣю никакихъ желаній, и народъ доволенъ». «Мудрецъ тихо живетъ въ мірѣ, но его умъ сочувствуетъ всѣмъ: народъ смотритъ на него и слушаетъ его, а мудрецъ думаетъ о немъ, какъ о своихъ дѣтяхъ». «Не судите своихъ ближнихъ. Будьте довольны собою. Будьте цѣломудренны и не карайте другихъ. Будьте сами вполне благоприличны, не рѣжьте и не душите другихъ. Учитесь прощать несчастному его испорченность. Если одинъ человѣкъ умираетъ, а другой остается въ живыхъ, то почему же предполагать, что надъ тѣмъ или другимъ разразился небесный гнѣвъ. Истинно добрый человѣкъ любитъ всѣхъ и не отвергаетъ никого. Онъ все уважаетъ и ничего не отрицаетъ. Онъ водится съ хорошими людьми и обмѣнивается съ ними наставленіями, а надъ дурными людьми онъ работаетъ, какъ надъ матеріаломъ, и главной цѣлью своей жизни полагаетъ возвращеніе ихъ въ Тао. Но тотъ, кто не уважаетъ своего наставника и не любитъ своего матеріала, сильно заблуждается, хотя бы его и считали мудрымъ».

Не трудно видѣть, что въ ученіи Лао-тци заключалось много началъ, которыя должны были направлять его послѣдователей къ мысли о пустынножительствѣ и отшельничествѣ. Хотя Лао-тци нигдѣ и ни въ чемъ не высказывался противъ государства, но его теорія естественной природы явно ведетъ къ пассивной революціи. Государство, конечно, представляетъ собою не естественную, а искусственную природу. Въ природѣ нѣтъ ранговъ, нѣтъ темницъ, уголовного кодекса. Все это искусственно. Но по теоріи Лао-тци искусственную природу должно препобѣждать не силою, а отступая передъ нею. Мудрецъ, тяготящійся существующимъ строемъ жизни, долженъ выйти изъ него. Легенда представляетъ уже самого Лао-тци пустынникомъ, одиноко жившимъ на горѣ. За чертою городовъ и селеній на горахъ, въ долинахъ, въ лѣсахъ, которые еще не захватило человѣческое общество, лучше всего и удобнѣе всего жить естественною жизнью.

Съ точки зрѣнія Лао-тци спасеніе отъ войнъ, отъ искусственной природы нужно искать въ естественной жизни. Бѣги отъ всего, что искусственно; бѣги изъ государства, бѣги отъ войны. Не имѣй ничего, и никто не станетъ у тебя ничего отнимать. Основатель буддизма Гаутама Сиддарта расширилъ

точку зрѣнія Лао-тци. Лао-тци говорилъ, что искусственная природа есть зло. Гаутама сказалъ, что всякая природа есть зло, потому что все бытіе есть зло. Свое ученіе Гаутама предложили человѣчеству въ видѣ четырехъ превосходнѣйшихъ или святѣйшихъ истинъ (аріани катіани). Вотъ эти истины. I. Существуетъ страданіе. Рожденіе есть страданіе, старость есть страданіе, болѣзнь есть страданіе, смерть есть страданіе, союзъ съ немилымъ—страданіе, разлука съ любимымъ—страданіе, недостиженіе желаемаго есть страданіе, пятиобразная привязанность къ земному (тѣлесность, ощущенія, представленіе, воспоминанія, сознаніе) есть страданіе. II. Бытіе и страданіе есть одно, и причина бытія и страданія одна и та же. Эта причина есть желаніе бытія, желаніе бытія рождаетъ бытіе и ведетъ отъ возрожденія къ возрожденію. III. Уничтоженіе желаній есть уничтоженіе бытія. Пока въ своей волѣ и желаніяхъ человѣкъ будетъ стремиться имѣть мысли и чувствованія, дотолѣ онъ не освободится отъ возрожденій и не будетъ владѣть истиннымъ покоемъ. Только въ совершенномъ ничто, гдѣ нѣтъ ни мышленія, ни немышленія, человѣкъ вполнѣ освободится отъ скорби бытія. IV. Путь, ведущій къ этому освобожденію изъ круговорота (самсары) въ небытіе (нирваны), восмисоставенъ: праведная вѣра, праведное рѣшеніе, праведное слово, праведное дѣло, праведная жизнь, праведное стремленіе, праведное воспитаніе и праведное самоуглубленіе.

Сущность бытія есть страданіе, сущностью морали должно быть состраданіе. Всякое существованіе есть безпокойное желаніе, потребность наслажденій и при наслажденіяхъ томленіе по новымъ наслажденіямъ. Бытіе есть вѣчная смѣна явленій, въ которой каждая форма возникаетъ лишь затѣмъ, чтобы снова распасться, какъ водяной пузырь. Юность есть ничто, потому что она превращается въ старость; красота есть ничто, потому что она исчезнетъ, какъ метеоръ; здоровье смѣнится болѣзью, жизнь—смертью, но—и въ этомъ заключается величайшее зло—и смерть есть ничто, такъ какъ она ведетъ къ возрожденію, къ обновленному бытію, къ повому кругу скорбей и страданій. Несчастны всѣ—и великіе и малые, и сильные и слабые, и добрые и злые. Тварямъ не остается ничего, какъ смягчать страданіе состраданіемъ. Нужно сострадать всякой твари. Но—главное—нужно ух-

дять и уводить отъ страданій. Источникъ страданій, какъ жизни, есть желанія. Нужно угашать желанія. Отсюда—разнообразныя правила. «Кто побѣдитъ самого себя, тотъ есть лучшій побѣдитель, его побѣды не можетъ отнять у него никакой богъ и никакой демонъ. Никакой огонь не сильнѣе желанія, никакой плѣнь не сильнѣе ненависти, никакая сѣть не крѣпче страсти... Вырывайте самый корень желаній... Да подавляетъ человекъ въ себѣ гнѣвъ, да подавляетъ высокомеріе, разрушаетъ всякія преграды... Гнѣвъ не утихнетъ гнѣвомъ, но смиреніемъ... Любовь приноситъ скорбь, и потеря возлюбленныхъ тягостна; поэтому такая скорбь должна остаться далеко отъ тѣхъ, которые вступили на путь спасенія...» Должно подавлять въ себѣ всякія стремленія и привязанности, должно опустошать содержаніе духа. Гаутамъ Буддъ открылась истина, что человекъ обладаетъ способностью самоуничтоженія. Для того, чтобы уничтожить себя, недостаточно провести ножомъ по горлу или выпить растворъ чилибухи. Нужно совѣмъ иное. Нужно умерщвлять не плоть, а духъ. Умерщвленіемъ плоти можно пользоваться лишь какъ средствомъ для достиженія умерщвленія духа. Нужно угашать въ себѣ и жажду знанія и потребность любви. Нужно подавлять и уничтожать въ себѣ всякую мысль. И когда содержаніе духа опустошится совѣмъ, онъ станетъ ничѣмъ, его удѣломъ будетъ нирвана. Этотъ выходъ изъ самсары въ нирвану не потрясаетъ самсары. Представимъ себѣ, что среднее звено между двумя другими перестаетъ быть, тогда эти два звена оказываются смежными и связанными между собою, ибо иначе нужно было бы допустить, что ихъ раздѣляетъ пустота, но пустота ни для чего не можетъ служить преградой. Гаутама Будда нашелъ якорь спасенія въ силѣ самоуничтоженія. И такъ какъ бытіе есть зло, нужно пользоваться этою силою, нужно уничтожать себя, нужно угашать духъ.

Ясно что для буддиста война оказывается верхомъ бессмыслицы. Въ войнѣ или что-нибудь отнимаютъ или что-нибудь защищаютъ. Но буддисту нечего отнимать: ему ничто не нужно. И буддисту нечего защищать, потому что у него нѣтъ ничего дорогого. Разумѣется, никакой народъ не могъ слѣдовать этой нигилистической теоріи, и буддисты, именуя себя послѣдователями Будды Сакіа-муни (озареннаго от-

шельника изъ рода Сакія), живутъ тѣми же интересами, какими живетъ все человѣчество, они и воюютъ, обращаясь къ войнѣ, какъ средству защиты жизненныхъ благъ, а не какъ къ способу самоуничтоженія.

Толстой сдѣлалъ шагъ назадъ отъ Сакія-муни и Лао-тци. Толстой считалъ жизнь благомъ, но признавалъ, что существуетъ и зло, и выдвинулъ тезисъ, что зло будетъ побѣждено, если мы не будемъ противиться ему насиліемъ. Къ словамъ Христа: «не противься злему» (Мѡ. V, 39) Толстой прибавилъ: «насиліемъ», но во 1) кто уполномочилъ его сдѣлать такое добавленіе и во 2) что подъ нимъ нужно понимать? Контекстъ Евангелія подсказываетъ очень простой смыслъ для словъ о непротивленіи: не противься злему человѣку, когда онъ хочетъ у тебя отнять что-нибудь несправедливо, не противься ему, если онъ и осудитъ тебя. Но Евангеліе не говоритъ, что такое непротивленіе должно быть безграничнымъ, Христосъ призываетъ къ великодушію человѣка, но не говоритъ: если тебя хотятъ зарѣзать, то подставь шею. И потомъ здѣсь идетъ рѣчь о великодушіи лишь къ личнымъ врагамъ, а не къ врагамъ добра. Евангеліе никогда не призывало быть великодушнымъ на чужой счетъ. Моего сосѣда обокрали. Какую цѣну имѣетъ мое великодушіе къ вору? Вотъ, если я скажу сосѣду: другъ! я заплачу тебѣ вмѣсто вора, не преслѣдуй его, тогда я поступлю по-евангелійски, но если я откажусь осудить вора, т.-е. откажусь заботиться о благополучіи моего ближняго, тогда мое дѣяніе будетъ противно Евангелію, а не согласно съ нимъ.

«Насиліе»—терминъ, который можно толковать различно. Въ одномъ житіи разсказывается, какъ гнавшіеся за христіанкою языческіе преслѣдователи спросили пастуха, куда она убѣжала? Пастухъ, зная намѣреніе спрашивавшихъ, указалъ на ложный слѣдъ. Это должно было спасти христіанку. Спрашивается: хорошъ поступокъ пастуха или нѣтъ, сопротивлялся ли онъ злу насиліемъ или средствами дозволенными—не скажу: Евангеліемъ, но—графомъ Толстымъ? Для меня неясно, какъ Толстой долженъ бы былъ отнестись къ этому поступку. Приведу другой примѣръ. Человѣкъ въ состояніи опьяненія готовъ совершить убійство другого, къ которому въ сущности расположенъ, но на котораго раздражился. Его *насилію* запираютъ. Послѣ нѣкотораго времени

онъ засыпаетъ. Черезъ нѣсколько часовъ просыпается въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Ему рассказываютъ о случившемся и онъ искренно благодаритъ насильниковъ, удержавшихъ его отъ преступленія. Для меня опять неясно, какъ нужно отнестись къ этому факту по теоріи Толстого.

Толстой своею формулою «не противься злу насиліемъ» хотѣлъ дать всеобщую норму нравственнаго поведенія. Но какъ нельзя изъ олова получить всѣхъ металловъ известныхъ въ химіи, такъ въ его формулѣ нельзя найти руководительнаго начала для большей части поступковъ. Его формула имѣетъ нѣкоторое значеніе, ея утверждается истина, что нельзя добра достигнуть злыми средствами или что дѣла неотдѣлима отъ средствъ, ея отрицается принципъ, что дѣла оправдываетъ средства, принципъ, царствовавшій и царствующій въ человѣчествѣ и совершенно неосповательныс считаемый монополіею іезуитовъ.

Государство, съ точки зрѣнія Толстого, есть насиліе, и это насиліе уничтожится, если мы не будемъ исполнять его требованій: не будемъ судить, не будемъ воевать. Я сказалъ, что въ сущности это ученіе—Лао-тци, но что Толстымъ оно предложено въ самой неудачной формѣ и въ самое неудачное время. Въ доброе, старое время легко было найти пещеру, которая была ничьєю, рѣку, въ которой всякій могъ ловить рыбу, лѣсъ, рубка котораго никому не возбранялась, и Лао-тци могъ спокойно сидѣть въ такой пещерѣ и иронизировать надъ Конфуціемъ, пытавшемся насаждать справедливость и порядокъ въ государствѣ. Но теперь въ Тульской губерніи нельзя найти лучшей поляны и ничего лѣса и нельзя тамъ найти мѣста, гдѣ бы человѣкъ былъ свободенъ отъ «повинностей». Съ точки зрѣнія Толстого исполнять эти повинности значить дѣлать зло. Но какже не исполнять ихъ, живя въ государствѣ? Отъ нихъ можно освободиться, лишь живя *вне* государства. Тогда однако придется освободиться и отъ почты, и отъ телеграфовъ, и отъ желѣзныхъ дорогъ, и отъ школъ, и отъ книгъ, въ которыхъ изложено ученіе мудрецовъ и раскрыта правда. Такимъ образомъ оказывается, что при попыткахъ уйти отъ неправды придется потерять и дорогую правду. Какъ быть тутъ? Лично положеніе Толстого оказалось очень удобнымъ. На Руси за нимъ признали лишь права, и не признали никакихъ обязанно-

стей. Ему и его претензіямъ не стали противиться. Но, вѣдь, здѣсь получилось, что не Толстой не противился злу насиліемъ, а ему не противились насиліемъ. И примѣненіе государствомъ къ Толстому толстовскаго принципа непротивленія сопровождалось самыми выгодными послѣдствіями для государства. Толстой написалъ завѣщаніе, и его утвердилъ тульскій окружный судъ. Послѣдовательница Толстого, его дочь, стала судиться съ матерью. Такимъ образомъ Толстые признали нужду въ судахъ. Но можетъ быть самымъ идеальнымъ и прямолинейнымъ послѣдователемъ Толстого былъ Хилковъ. Чѣмъ кончилъ онъ? Когда началась теперешняя ужасная война, онъ пошелъ воевать и былъ убитъ. Его сердце отвергло его теорію непротивленія. Л. Н. Толстой умеръ четыре съ лишнимъ года тому назадъ. Какъ отнесся бы онъ къ теперешней войнѣ? Насколько я его понимаю, онъ бы разбилъ свои скрижали и съ интересомъ и волненіемъ слѣдилъ бы за успѣхами союзниковъ. Можетъ быть въ теоріи онъ отъ своихъ скрижалей и не отрекся бы, но на практикѣ онъ бы ихъ забылъ.

Идеальные принципы, во имя которыхъ мыслители боролись съ войною и думали уничтожить войны, мало принесли пользы дѣлу мира. Я, пожалуй, склоненъ пойти дальше и сказать, что они скорѣе содѣйствовали войнѣ, чѣмъ миру. Оставляю въ сторонѣ Будду, но таоизмъ въ Китаѣ далъ не мало худого, у насъ Толстымъ тоже пользуются не для цѣлей мира, а для грубой борьбы съ церковью и правительствомъ. Мира и любви здѣсь не чувствуется.

Мнѣ думается, что надежды на умноженіе мира могутъ обуславливаться только вѣрою въ святость христіанства. Христіанство,—долженъ прибавить и еще раньше еврейство—дало міру идею единства человѣчества, идею братства людей. Въ древнемъ мірѣ не было этой идеи, въ мірѣ новомъ, какъ только оставляютъ христіанство, оставляютъ и эту идею. Различные народы могли произойти отъ разныхъ животныхъ - родоначальниковъ, между ними нѣтъ единства происхожденія и можетъ не быть общности интересовъ. Поэтому и борьба между ними можетъ быть естественна и законна. Христіанство къ еврейской идеѣ единства происхожденія присоединило идею равенства народовъ передъ Богомъ и братства ихъ между собою «Да будутъ все едино» (Іоан. XVII, 21).

Но энцимъ христіанство вовсе не думало отрицать войны. Когда сильныя обижаютъ слабыя, а мы съ вами по пилатовски или по толстовски будемъ умывать руки и говорить: не наше дѣло, мы не должны противиться злу насиліемъ, мы будемъ дѣйствовать не по христіански. Христіане первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ были хорошими воинами, и наша лавра знаетъ подвиги Пересвѣта и Ослябли, получившихъ благословеніе на брань отъ преподобнаго Сергія, и наша церковь знаетъ много святыхъ воиновъ. Но въ то же время подъ вліяніемъ и во имя христіанства, когда оно стало религіею Европы, стали создаваться проекты всеобщаго мира. Единство религіи создало международное право. Уже въ концѣ XII вѣка Дюраномъ было основано братство мира. Какъ между христіанскими церквами существуетъ единство и они подчиняются рѣшенію соборовъ отъ всѣхъ церквей, такъ начали стремиться къ созданію единства и союзовъ между христіанскими государствами. Генрихъ IV, будучи королемъ и христіаниномъ весьма сомнительнаго благочестія, мечталъ о созданіи изъ европейскихъ государствъ одной великой христіанской республики. Его современникъ Эмери де-ла-Круа предлагалъ создать постоянный конгрессъ, какъ органъ для охраненія мира. Гуго Гроцій въ сочиненіи *De jure belli ac pacis* развилъ теорію образованія третейскаго суда для рѣшенія споровъ и недоразумѣній между государствами. Аббатъ Сен-Пьеръ составилъ проектъ образованія союза европейскихъ государствъ, по которому Европа въ сущности становилась единымъ государствомъ, подобнымъ нынѣшней германской имперіи. Мыслители XVIII вѣка энергично ухватились за идею Сен-Пьера. Но это не помѣшало XVIII вѣку пройти въ войнахъ и завершиться французской революціей. Въ революціи было мало христіанскаго, но несомнѣнно изъ христіанства ею была взята идея всеобщаго мира и уничтоженія войны. Кантъ независимо отъ христіанства провозгласилъ обязанностью людей служить идеѣ общаго и вѣчнаго мира (*Zum ewigen Frieden*. 1795). Теперь французы философію Канта пытаются представить, какъ двойную бухгалтерію: въ теоріи—безграничная свобода, на практикѣ—прусскій намордникъ. Такъ, напримѣръ, смотритъ Луи Бертранъ (см. *Le Figaro*. 27 Janvier 1915. *Du Christianisme au Germanisme*). Я склоненъ думать, что такой взглядъ заслу-

живаешь вниманія. Я печатно еще въ прошломъ году высказалъ, что на меня такое впечатлѣніе произвела философія Фихте. Но если рѣчи о мирѣ и любви въ устахъ нѣмецкихъ философовъ были порою сознательнымъ или безсознательнымъ лицемѣріемъ, эти рѣчи во всякомъ случаѣ показываютъ, что нѣмецкіе философы смотрѣли правильно на обязанность людей служить дѣлу мира.

Въ XIX вѣкѣ идея всеобщаго мира получила широкое сочувствіе въ культурныхъ слояхъ и, что могутъ съ гордостью отмѣтить русскіе, императоры Россіи усердно служили этой идеѣ. Александръ I, въ цѣляхъ мира, создалъ священный союзъ. Этотъ союзъ не былъ попыткою привинтить штыкъ къ евангелію, какъ выразился о немъ извѣстный русскій историкъ, а попыткою парализовать евангеліемъ дѣйствіе штыка. Первая попытка оказалась неудачной, Регламентъ союза былъ таковъ, что согласно ему христіанскіе монархи должны были противодѣйствовать стремленію христіанъ освободиться отъ мусульманскаго ига—противодѣйствовать грекамъ въ борьбѣ съ турками, но, вѣдь, и первыя попытки летать на воздушныхъ шарахъ тоже не были счастливыми. Войны Николая I и Александра II никогда не велись въ эгоистическихъ цѣляхъ. Александръ III перешелъ въ исторію съ именемъ миротворца и историкъ, иронизировавшій надъ священнымъ союзомъ, отозвался о немъ, что онъ во все время своего правленія осторожною и терпѣливою рукою отводилъ фитиль отъ той мины, которая была подведена подъ всю Европу. Заботы нынѣшняго монарха объ утвержденіи мира на глазахъ у всѣхъ.

Людымъ свойственно пытаться рисовать себѣ картины будущаго. Что же: какія картины мы имѣемъ право рисовать себѣ? Картины всеобщей идилліи и гармоніи въ родѣ челоувѣческомъ или чего-иного? Мы имѣемъ два рода пророчествъ, составленныхъ разными смѣлыми авторами, надо признаться, безобразно суздальскою кистью. Одни рисуютъ намъ социалистическія утопіи—очень нелѣпыя и мало заманчивыя. Другіе рисуютъ картины вырожденія и одичанія челоувѣчества и гибели земли отъ холода. Первые руководятся идеями эволюціи и прогресса, вторые исходятъ изъ законовъ геологій и астрономіи. Но эти идеи и эти законы совершенно необоснованы въ примѣненіи къ будущему. Пусть имъ вѣрить, кто

хочетъ, но обязать вѣрить въ нихъ нельзя. Да и вѣрить можно во что-нибудь одно: въ счастливую жизнь или въ печальную гибель. А здѣсь во имя науки вамъ предлагаютъ и то и другое.

Людамъ христіанской вѣры, думаю, самое лучшее руководиться по вопросу о будущемъ указаніями источника христіанской вѣры—Библии. Не будемъ пророчествовать на основаніи ея, но постараемся понять то, что она говоритъ.

Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на томъ, что говорили о будущемъ три еврейскіе пророка. Исаія писалъ: «и перекуютъ мечи свои на орала, и копыя свои—на серпы: не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать» (2, 4 ср. Михея 4, 3). Война, по представленію пророка, должна не только исчезнуть въ родѣ человѣческомъ, но должна исчезнуть и среди всѣхъ тварей. «Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море. И будетъ въ тотъ день: къ корню Иессееву, который станетъ, какъ знамя для народовъ, обратятся язычники,—и покой его будетъ слава» (Ил, 6—10).

Картина, нарисованная пророкомъ, идетъ далѣе самыхъ радужныхъ грезъ новѣйшихъ мечтателей. Послѣдніе не думаютъ кормить льва соломою, да и сами повидимому ненамѣренны отказываться отъ мяса. Они не думаютъ о преобразованіи міра, они мечтаютъ лишь о преобразованіи порядковъ въ человѣческомъ мірѣ. Мечты недалекія и надежды на порядки мало обоснованныя. Но пророкъ говоритъ, что будетъ преобразованъ весь міръ и что все дышащее перестанетъ питаться кровью. Такъ. Но вотъ рѣчь другого пророка: «перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши—на копыя; слабый пусть говоритъ: я силенъ» (Юиль 3, 10). И эти слова произносятся отъ имени Господа. По Исаіи орудія войны будутъ обращены въ орудія земледѣльческія, по Юилію—земледѣльч-

скія орудія будутъ обращены въ военныя. Третій пророкъ говоритъ иное. Отъ имени Господа онъ возвѣщаетъ: и сокрушенъ будетъ бранный лукъ; и Онъ (царя Салима) возвѣститъ миръ народамъ, и владычество Его будетъ отъ моря до моря и отъ рѣки до концовъ земли» (Захар. 9, 10).

Если мы обратимся отъ этихъ пророческихъ вѣщаній къ настоящему моменту, то увидимъ, что поставлена задача сокрушить лукъ Германіи. Для этой цѣли и земледѣльческія орудія перековываются на военныя. Но все это дѣлается въ виду высшей задачи, чтобы въ концѣ-концовъ перековать мечи на орала, уничтожить войну и освободить всю тварь „отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (Римл. 8, 21).

Но произойдетъ ли это?

Взоры пророковъ, слова которыхъ мы приводили, обращались къ царству мессіи—Христа. Но было бы съ нашей стороны крайне необдуманно претендовать на то, что мы сами собою поняли ихъ вѣрно и точно. Апостоль говорилъ: «никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ» (2 Петра 1, 20—21). Мы можемъ уразумѣть эти пророчества лишь въ той мѣрѣ, въ какой они исполнились. Мессія по нашей вѣрѣ пришелъ. Мессіанское царство основано, но это вовсе не значитъ, что мессіанскій идеаль уже осуществленъ.

Христосъ велѣлъ возвѣщать апостоламъ: «приблизилось къ вамъ царствіе Божіе» (Лк. 10, 9, 11). По мысли Евангелія пришествіе Христа на землю было вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ царствія Божія. Но Христосъ также сказалъ: «не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Мѣ. 10, 34; Лк. 12, 51). Изображая будущія судьбы человѣчества, Христосъ возвѣстилъ: «возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство.... и другъ друга будутъ предавать, и возненавидятъ другъ друга... и по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь» (Мѣ. 24, 7, 10, 12).

И такъ, съ одной стороны—царство Божіе, которое есть правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ; съ другой стороны—раздоры семейные, раздоры внутреннегосударственные. войны, беззаконіе и ненависть.

Какъ примирить это? Не мало находитея лицъ, которыя говорятъ, что христіанство не дало міру того, что обѣщало. Когда христіанство стало государственною религіею, то удивились не величію побѣды, а ничтожеству достигнутыхъ результатовъ. Послѣ того, какъ евреи не приняли Христа, не будемъ удивляться, что многіе, называющіе себя христіанами, не приняли царствія Божія. Христосъ сказалъ: «царство Мое не отъ міра сего» (Іоан. 18, 26). «Царствіе Божіе благовѣстуется, и всякій усиліемъ входитъ въ него» (Лк. 16. 16). И наконецъ: «не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, царствіе Божіе внутрь васъ есть» (Лк. 17. 20—21). Какимъ же образомъ и гдѣ праздные люди собирались созерцать царствіе Божіе, не имѣя его въ себѣ? Царство Божіе не есть нѣчто внѣшнее, не есть организація, не есть даже церковь, потому что церковь есть организація. Церковь и царство Божіе понятія близкія, но не совпадающія. Церковь—учительница истины, руководительница правдою, подательница благодатныхъ даровъ. Царство Божіе — совокупность истинно святыхъ членовъ церкви независимо отъ ихъ іерархическаго и церковнаго положенія. Сколько ихъ? гдѣ они? Развѣ можетъ это знать кто-либо? Нѣкоторые изъ нихъ отмѣчаются особо благодатію Божіею, какъ Серафимъ Саровскій и Іоаннъ Кронштадтскій, но многіе никакъ не являютъ себя міру. Они служатъ міру, молясь о немъ, но міръ не знаетъ ихъ.

Такъ царство Божіе остается невидимымъ для тѣхъ, кто не желаетъ его искать. Но не зная и не желая знать царствія Божія, они однако хотятъ быть членами царства счастья. Царство Божіе силою берется и употребляющіе усиліе входятъ въ него, царство счастья хотятъ создать и войти въ него насиліемъ. О царствѣ счастья думаютъ, что оно непременно должно быть мало и что въ немъ далеко не можетъ хватить мѣста для всѣхъ желающихъ быть членами его. А членами этого царства желаютъ быть всѣ. Отсюда у людей, стремящихся поселиться на блаженныхъ островахъ земли, возникаетъ двойная задача: во-1) попасть туда самимъ съ своими присными и близкими, во-2) не пустить туда чужихъ. Эти двѣ задачи создаютъ необходимость войны однихъ съ другими. Добрые нѣмцы не вѣрны пускать въ свою Вальгалу

ни славянъ, ни кельтовъ, но и славянъ и кельтовъ они очень желаютъ заставить работать на Валгаллу и на ея пиры.

Здравый смыслъ, котораго у нѣмцевъ не мало, конечно, выясняетъ, что война вообще невыгодна, не выгодна и для побѣдителей. Что будетъ пользы отъ германскихъ побѣдъ сыну германскаго канцлера Бетманъ - Гельвету погибшему въ борьбѣ съ русскими и погребенному гдѣ-то безвѣстно? Чѣмъ можетъ возмѣстить самъ канцлеръ эту потерю? Но при отсутствіи нравственно-религіозныхъ началъ здравый смыслъ не удержитъ отъ войнъ и не сократитъ ихъ числа. Во имя здраваго смысла намъ наши сосѣди будутъ говорить о любви и мирѣ, но ихъ рѣчи будутъ лукавы и лицемерны. Еще Давидъ молилъ, обращаясь къ Господу: «не погуби меня съ нечестивыми и съ дѣлающими неправду, которые съ ближними своими говорятъ о мирѣ, а въ сердцахъ у нихъ зло» (Псал. 27, 3. Сравни Псалм. 54, 22). Пророкъ Іеремія не однократно указывалъ, какъ не оправдывались обѣщанія мира. «Ждемъ мира—и ничего добраго нѣтъ; ждемъ времени исцѣленія—и вотъ, ужасы» (Іерем. 14, 19 и 13; 5, 12; 8, 15). И въ новомъ завѣтѣ апостоль возвѣстилъ: «будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тимое. 3, 3) и «когда будутъ говорить: «миръ и безопасность», тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба» (I Фессал. 5, 3).

И такъ, не должно поддаваться обѣщаніямъ мира и счастья. Никакого царства счастья никогда не будетъ безъ царства Божія, а царство Божіе внутри насъ есть. И такъ, нужно стремиться создать миръ въ самихъ себѣ, тогда можно надѣяться, что миръ явится и внѣ насъ. Мы не можемъ пророчествовать о будущемъ, но мы должны знать, что, какое бы ни было будущее, оно будетъ создано нами. На наши заботы о мирѣ и на наши стремленія къ миру — стремленія, разумѣется, не лицемерныя и не своекорыстныя Господь отвѣтитъ тѣмъ, что на землѣ будетъ миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе (Лк. 2, 14).

У евреевъ есть повѣрье: если бы евреи соблюли двѣ субботы, то мессія бы пришелъ. Евреи не вѣрятъ, что онъ пришелъ, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что они не соблюдаютъ заповѣди о субботѣ. Не будемъ самообольщаться. Не соблюли и не соблюдаемъ мы ни субботы, ни воскресенія. И